

Александр

Загрибелский

АЗИАТСКАЯ ПЛИТА

СЕЙСМОГРАФ

Качнулась азиатская плита,
Со стен квартир слетела штукатурка,
Из всех щелей полезла маята...
Зачем она арабу, персу, тюрку?!

Поверх границ, запретов и порогов,
Смешав Коран, заветы, пейсы, рясы,
Как долбанет! Но от смертельной встряски
Вдруг заработал мой сейсмограф.

Удачи датчик или неудачи?
Какой сигнал попал мне в руки?
На что мой жизни шанс истрачен,
Взорвав заряд окаменелой муки?

Спешит тревожных суток череда,
То затонув, то в пламени сгорая,
Пока кипят вулканы на Гавайях,
Пока курит Курильская гряда.

Как будто параллельные миры
Сгрудились в новостийной верстке:
И шумные двory от детворы,
И черный смрад военных перекрестков.

Напузырив шампуня там и тут,
Привычно разместясь в домашней ванне,
Я чувствую себя как в океане,
Где острова из пластика растут.

Являя своенравно естество,
Подзаплутав в просторах мироздания,

Земля – она – живое существо,
И требует взаимопониманья.

Лишь к ней одной манит мой датчик бранный,
Мы – не в аду, хоть, впрочем, не в раю,
А человек – не просто на краю,
Он – стрелка на игле вселенной!

Мельканье лет заметней в декабре,
В лицо истории мне дует ветер,
И, как Мюнхгаузен на пушечном ядре,
Лечу я, сидя на родной планете.

НА ЗАКАТЕ

Слышен шелест колес, и рельсы еще не остыли,
За окном, пролетая, деревья куда-то спешат,
От безумной жары исчезли зазоры на стыках,
И стальные составы давно не стучат, а шуршат.

И все ближе, все ближе чудес притяжения происк,
В соседнем купе предприездно кипит суета,
И от радостных визгов детей ускоряется поезд,
Когда он прибывает в родные места.

С нижней полки кряхтит, будто вовсе не к спеху,
Пожилой пассажир, разминает суставы рука...
Жизнь вместила в зазор
Между детским заливистым смехом
И печальным ворчаньем на боль старика.

За вокзалом, за рощицей, там – возле дома,
Где когда-то давно начинались поля,
Где листва наливалась зеленой истомой,
И шумели весь день в вышине тополя,

Нет, не ждут там меня...
До отправки в транзитном вагоне,
Все ж услышать хочу, что за трель напоют соловьи,
Среди знойного лета я еще постою на перроне
И о землю погрею промерзшие пятки свои.

Снова в памяти чутко ловлю я позывы былого,
Утопая по косточку в теплой и жирной пыли...
И уж чудится мне – состав сокровенного слова
Вдруг откроется здесь – в этой собственной точке Земли.

СОН КАБУЛА

Кабул –
в тумане гул
столетий –
едва вздремнул
на рассвете
под стон бородатых мулл
в минарете.

Стена
вознесена
над гребнем гор
хромым Тимуром.
Она
сползла лабиринтом хмурым
в ущелье улиц, где живет война.

Здесь либо
Глазницы бойниц,
Либо талибы,
Ни фабрик, ни школ, ни больниц.
Вверх миллионы задниц
И столько же лиц – ниц,

В чалме звездочет
на крыше «Тойоты»,
гордый, как черт,
торчит с пулеметом.

Афган, ты, как дервиш,
дымящий гашиш на ладони истории держишь,
мотая арабскую вязь на фарси,
где, кого ни спроси –
неподсуден
портрет Ахмад Шаха Максуда.

На перекрестках машин муравейник,
шашлычни, лепешки, авиакассы,
в соседней кофейне
военные каски,
под гул вертолетов американских,
сидя за чаем, пуштун упрямый
взор приподнял над шафраном пряным,
будто следил за «Черным тюльпаном».

Но нынче гашиш полетел в Амстердам,
и снятся ему
в европейском дыму

голландские ласки
дам
афганских.

А может случиться такое:
под грохот патрульных конвоев
в тумане вечернем Кабула
во встречном авто выдвигается дуло –
отпрянув, я думал,
на мгновенье почти в прострации,
но это – была антенна черной рации.

Сквозь дым, от шашлычных идущий,
почти незрячий,
я видел, как мальчик в падучей
дрожал на асфальте горячем,
яйца рассыпав с лотка...

Я полночи
ворочался,
этим видом разбитый,
и не уснул,
пока
в тишине не рванул
грузовик с динамитом.

Кабул, 2017

НА ВЕРШИНЕ МАНАСА

Разве красива гор высота,
Если там пастбищ нет для скота...

*Дулат**

Земля мне казалась кругла и прекрасна,
Когда я стоял на вершине Манаса,
Пусть будет пониже он, чем Эверест,
Но все ж удалось оглядеться окрест.

Из-подо льда первозданный ручей
Сверкает, журча переливом лучей.
И звуки воды, как счастливые песни,
У грани снегов, где цветут эдельвейсы.

Туман наплывет, и укроются тучей
Замшелые камни вершины могучей.
Лишь тут ты услышишь, как ветер исполнит
Симфонию дня с перекличками молний.

* Дулат Бабатай-улы – казахский поэт XIX века. См.: Поэты Казахстана. Л., 1978. С. 196.

Струной протянулась в долине Таласа
Две тысячи лет проходящая трасса.
А за спиною Тянь-Шань и Памир,
И как на ладони вокруг целый мир.

И то, что скажу, не пустые слова:
Отсюда видны мне Кабул и Москва,
А как воспаришь на озона глоток,
Еще обозришь и Париж, и Нью-Йорк.

Сюда не дотянутся, как до Луны,
Ни звон колокольный, ни голос муллы,
Ничто не расстроит и не заслонит
Стиха, ограненного здесь о гранит.

Рифмуется все здесь – Манас и Талас,
Тараз, Тектурмас, Алпамыс, Акыртас...
И внятны мне стали меж громких имен
И дали земные, и голос времен.

Я видел, былинное зренье настроив,
Великих акынов, могучих героев.
Здесь гунны гуляли, и видывал край,
Как здесь проходил Искандер Зулкарнай*.

Набеги врагов и погранье закона
Акыны воспели эпическим стоном,
И радость, и горе, любовь и разлад,
И тучные годы, и голод, и хлад...

По древним лекалам кроил я свой стих
Меж тверди небесной
И хлябей земных,
Не бесполезна сия высота,
Хоть пастбища нет тут совсем для скота!

От гор до морей у Полярного круга
Царит азиатская проза и скука.
А также скажу, по моим наблюдениям –
Крепки азиатские формы правленья,

Чуть пылью веков поприпудрив следы,
Восходят они на руинах Орды.
Не скоро исконные узы порвутся,
Хоть много сменилось внизу конституций...

* Александр Македонский.

Тут золото скифов, изъев из курганов,
Примерили лихо новейшие страны.
Кто город построил, а кто-то – сарай*,
И всяк сам себе – Чингисхан и Мамай.

Им вовсе лелеять не кажется странным
Свои имена и своих истуканов.
Пока созревали алма и хурма,
Стоптался башмак и открылась тюрьма.

Свой жребий равнинный ничуть не кляня,
Рождаясь, кочевник вырастает в коня.
Настроив домбру, может песню он спеть,
И снова красавица выбежит в степь.

И как ни старайся, на этом приволье
Не сыщешь межи между степью и полем,
Лишь слышишь в трясеньи подземных основ
Смешение звуков, смешение слов.

Ответив на русский авось – иншалла,
Вновь сходятся в споре мамбет и шала.
И словно в бреду и не чуя беду,
Опять алфавиты куда-то бредут.

Здесь бойко, ловя перманентно моменты,
Меняют киргизы своих президентов,
Пасется в степи терпеливый народ,
Надежду храня, что и это пройдет.

Хоть, может быть, это случится не скоро...
Я вижу, я вижу, как движутся горы,
Стирая границы, и в этом движении
Я вижу грядущее преображенье.

Засунув подальше в подвал чемодан
С наклейками множества пройденных стран,
Да, я не уехал, я просто остался,
Как ветер, который в степи потерялся.

Как быть мне, скажите, просторы родные,
Сестра в Калифорнии, дети – в России.
Но здесь я, и здесь родила меня мать,
И я никуда не хочу уезжать...

* Здесь – дворец.

